

Miatlev

В. П. МЯТЛЕВЪ.

ПОСЛЪ МЯТЕЖА.

Политическіе памфлеты и
стихотворенія.

1917—1922 г.

PG
3467
M46
P6

Типографія Р. Ольденбургъ, Мюнхенъ.

ПОСЛѢ МЯТЕЖА.

Политическіе памфлеты и стихотворенія
В. П. Мятлева.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I Вмѣсто эпитафіи: Онъ живъ!
- II Ни гугу (революціонный гротфатеръ),
- III Гимнъ собачьихъ депутатовъ.
- IV Теща и большевикъ.
- V Украинская эпопея.
1) Выступленіе Петлюры.
2) Викторія (вступленіе Петлюры).
- VI На Новый Годъ (1919).
- VII Одесская эпопея.
A) Покушеніе съ негодными средствами.
1) Divide ut Imperes (Единая и Недѣлимая).
2) Secours de l'Occident
3) Союзники (amis et alliés)
B) Передъ исходомъ:
1) Экспромтъ.
2) Бредъ обывателя.
3) Гласъ вопіющаго въ пустынь.
- VIII Село.

IX За рубежомъ.

- 1) Quo Vadis
- 2) Красная Дѣва.
- 3) Рейхенгаль.
- 4) Слова.
- 5) Четвертый Интернаціональ.

X Послѣловіе.

ПОСЛѢ МЯТЕЖА.

I.

Вмѣсто эпиграфа.

Онъ живъ!

Всѣ говорятъ: «Онъ живъ!» и я хотѣлъ бы
вѣрить

Что это такъ и есть... и что наступитъ день,
Когда святая Русь устанетъ лицемѣрить,
Когда съ Ея лица сойдетъ безумья тѣнь
Когда Ея народъ обманутый жрецами
И бьющійся въ сѣтяхъ отчаянья и зла,
Украститъ торжества законнаго вѣнцами
Два скорбныя чела двуглаваго Орла!
Когда за дни грѣха настанетъ часъ возмездья,
Взамѣнъ слѣпой вражды, возцарствуетъ
любовь...

И міръ увидитъ свѣтъ Великаго Созвѣздья,
Которымъ Русь была и, вѣрю, — будетъ вновь!

Кіевъ.
1918 г.

II.

Ни гугу.

(Революціонный грось-фатеръ).

Рѣка разлилась... и съ женою вдвоемъ
Сидить предводитель въ имѣньи своемъ.
Стоять комиссары на томъ берегу...
Ни онъ ни гугу... ни они ни гугу.

Режимъ ниспровергнуть... ликуеть страна.
И слову и дѣлу свобода дана!
Но зорко я Музу мою стерегу.
О томъ ни гугу... и о семъ ни гугу!

Надъ нами Родзянко царить «патріотъ»
Народу и войску воззванія шлетъ:
«Вы мнѣ помогите, — я вамъ помогу.
Народъ ни гугу... и войска ни гугу.

Отъ голода всюду и вопли и ревъ,
Министръ земледѣлья теперь Шингаревъ
Онъ вертится въ томъ же заклятомъ кругу:
Купецъ ни гугу и мужикъ ни гугу.

Путеецъ Некрасовъ приходитъ въ экстазъ:
Желѣзнымъ дорогамъ диктуеть приказъ:
«Впередъ паровозъ черезъ мракъ и вьюгу».
Но паръ ни гугу и свистокъ ни гугу!

Ретивый Чхеидзе кричить какъ удождь:
«Вставай подымайся германскій народъ!
Согнемъ мы съ тобою Вильгельма въ дугу!..»
Ни тотъ ни гугу, ни другой ни гугу!

Къ желудку портфель сладострастно прижавъ,
Павлуша посламъ иностранныхъ державъ
Даетъ валерьяну и шепчетъ «агу».
Георгъ ни гугу... Пуанкарэ ни гугу.

Нѣтъ розни! Единой Руси гражданинъ
Финляндецъ, эстонецъ, грузинъ, армянинъ
И сартъ въ Бухарѣ и лапландецъ въ снѣгу;
Полякъ ни гугу... и еврей ни гугу.

Подъ Ригой упрямый стоитъ Гинденбургъ
И думаетъ: скоро возьму Петербургъ.
Но Рувскій какъ кротъ окопался въ лугу.
Ни мы ни гугу... ни они ни гугу.

Невольная дума приходитъ что зря
Вы съ русскаго трона смѣстили Царя!
Онъ Русь бы навѣрно не отдалъ врагу!

Но Онъ ни гугу... и никто ни гугу.

Голубино Курской губ.
Новооскольскаго уѣзда
Начало Марта 1917.

III.

Гимнъ собачьихъ депутатовъ.

(Посвящается печальной памяти временному
Правительству).

Ура собачьи депутаты!
Быка хватая за рога,
Бѣгите храбрые солдаты
Домой отъ дерзкаго врага.
Долой погоны и мундиры!
Устроимъ русскій Катарджуй.
Объединяйтесь дезертиры
Тоть, кто не съ нами, тотъ буржуй!

Ура девизъ Земля и Воля!
Быка хватая за рога,
Мужикъ гони рабочихъ съ поля,
Топчи помѣщичьи луга!
Паши сохой на мѣсто плуга,
Безъ астролябіи межуй!
Возстанемъ дружно другъ на друга,
Тоть кто не съ нами, — тотъ буржуй!

Ура ораторы кликуши!
Быка хватая за рога,
Себѣ въ карманъ кладите куши,
Кому «свобода» дорога!

Народный вождь играй въ Мессію,
Давно разжеванное — жуй!
Погубимъ Матушку Россію!!
Тотъ, кто не съ нами — тотъ буржуй!

Орель 1917.

IV.

Теща и большевикъ.

Товарищей много по русской землѣ
Развелъ трибуналъ петроградскій...
И вотъ поселился у тещи въ Орлѣ
Ручной большевикъ Красноярскій.
И теща даетъ ему сахаръ и чай,
Голубить, и холить, и нѣжить,
И съ страхѣмъ трепещетъ: а ну невзначай
Возьметъ онъ да всѣхъ перерѣжетъ!
Но свѣтель и ясенъ товарища ликъ
И очень пріятны манеры,
И теща гадаетъ: ручной большевикъ
Пожалуй записанъ въ Эсъ-эры!
Учтивъ въ разговорѣ, умѣренъ въ ѣдѣ,
Собачку безногую гладить!!
И думаетъ теща: онъ только эсъ-де
И врядъ ли меня обокрадетъ.

Въ аграрномъ вопросѣ въ немъ рѣзкости
нѣтъ,
Онъ сельской культуры любитель...
И теща мечтаетъ; да это кадетъ,
Не хуже чѣмъ нашъ предводитель!

Живетъ Красноярскій опрятенъ и чистъ
Въ квартирѣ ему отведенной...
И кажется тещѣ, что онъ монархистъ,
Быть можетъ конституціонный!

Проходятъ недѣли... обжился герой
И прыгаетъ теща какъ серна,
Рѣшивъ что онъ черенъ, какъ Марковъ
Второй,
И земли вернетъ ей навѣрно!

Но зять, что припасы безсовѣстно жретъ,
Ворчитъ подливая отравы:
«Въ политикѣ нынѣ лишь чортъ разберетъ
Кто лѣвый, кто средній, кто правый».

Орель 16/III ст. ст.
1918 г.

V.

Украинская эпопея.

«Грае, грае воропае».

1.

Вступленіе Петлюры.

Видя медленность аллюра
Войска франко-англичанъ,
Крайне щирый панъ Петлюра,
По примѣру половчанъ,
Зная черни нравъ Батыевъ
И учтя большевиковъ,
Взять задумалъ стольный Кіевъ
Во главѣ съчевиковъ!
За великаго Шевченко,
Кобзаря изъ кобзарей,
Распинался Виниченко,
Самостійный брадобрѣй!
Восхвалялъ всемѣрно «мову»
И въ душѣ лелѣялъ планъ
Мѣстныхъ дамъ одѣтъ въ паневу,
А мужчинъ одѣтъ въ жупанъ!
И его, неосторожный,
Съ томной блѣдностью въ лицѣ,
Панъ Павло ясновельможный,

Слушалъ въ гетманскомъ дворцѣ;
Принималъ его «а р`arte»
Говорилъ: «благодарю»...
И, не внявъ державной вартѣ,
Думалъ: я перехитрю!..
Тщетно князь Г....нъ, бравый
Протофисный генераль,
Прежде лѣвый, нынѣ правый
Волновался и ораль.
Тщетно нѣкій графъ голландскій,
Хлѣборобъ и патриотъ,
Посѣщаль «будинокъ» панскій,
Утверждая что народъ,
Безъ малѣйшаго сомнѣнья,
Радъ помѣщикамъ вернуть
Разоренныя имѣнья;
Гетманъ думалъ: въ чемъ же суть?
Что они ко мнѣ пристали?
Что за споры? Что за крикъ?!..
И сидѣлъ на пьедесталѣ
Предназначенно двуликъ!
Раскусивъ что зрѣть драма,
Въ ночь, изъ Гетманскихъ хоромъ,
Графъ О....въ (Сынъ Адама)
Переѣхалъ въ частный домъ.
Перепуганные «Липки»

Повторяли каждый часъ;
«Гетманъ дѣлаетъ ошибки!
«Скоропадскій губить насъ!
«Честолюбецъ жаждетъ власти!
«Что за выстрѣль?! Что за дымъ?!
«Боже мой, какія страсти!
«Ѣхать въ Крымъ?... не Ѣхать въ
«Затѣваетъ авантюру [Крымъ?
«Онъ на нашемъ же горбѣ!
«Какъ! Онъ выпустилъ Петлюру?!
«Са и э! ну сошь фламбэ!
«И когда (um Gottes Leben!)
«Врагъ ворвется въ Липки въ ночь,
«Благородный Алвенслебенъ
«Врядъ ли сможетъ намъ помочь,
«Разъ нѣмецкіе совдепы,
«Свергнувъ генералитетъ,
«Методичны, но нелѣпы,
«Сохранять нейтралитетъ!!»
И среди такихъ контрастовъ
И борьбы враждебныхъ силъ,
Панъ Петлюра занялъ Фастовъ
И себя — провозгласилъ!

Успокойтесь... все проходитъ...
Человѣкъ есть горсть земли

И недаромъ происходитъ
Панъ Петлюра — отъ петли!
Есть у всѣхъ вещей изнанка.
Подождемъ... повременимъ...
Чудодѣйствовалъ Родзянко
И иные «иже съ нимъ»;
И языкъ свой чисто женскій
Изощряя въ словесахъ,
Чудодѣйствовалъ Керенскій,
Взоръ купая въ небесахъ;
Изъ слезливыхъ крокодиловъ
Мня устроить винигреть,
Чудодѣйствовалъ Корниловъ,
Неудачный Лафайетъ;
И соратникъ фарисеевъ,
Раза три мѣняя фронтъ,
Подвизался Алексѣевъ
Затемняя горизонтъ;
И неистовствуетъ Ленинъ,
Софистическій драконъ...

Но единъ и неизмѣненъ
Эволюціи законъ!
И невидимый пропеллеръ
Время двигаетъ впередъ:
То, что тайно мыслить Келлеръ,

Явно выскажетъ народъ!
Надъ просторомъ русской нивы
Вновь зардѣется заря,
И замолкнуть всѣ призывы
Въ общемъ возгласѣ: Царя!!

2.

Викторія.

(Вступленіе Петлюры).

Викторія, Викторія!
Флагъ желто-голубой!
Гарцуетъ директорія
Довольная собой.
Во страхѣ за послѣдствія,
Хотя душа скрипитъ,
Какія то привѣтствія
Бормочетъ Агапить!
Погода отвратительна!
Крутитъ сѣдая мгла...
Кой-гдѣ предупредительно
Звонятъ колокола.
Обрадовались блузники,
Помѣщики ворчатъ,
Лукавые союзники

Таинственно молчать.
Что князя Долгорукова
Смѣнилъ Коновалецъ
Для блока близорукаго
Приемлемый конецъ.
Украинцы прекрасные
Все это пустяки!
Но скоро, гости красные,
Придутъ большевики!
Возьмутъ въ свои объятія
Все классы цѣликомъ!
Узнаетъ «демократія»
Что значить: «совнаркомъ».
А можетъ эти терніи
Минуютъ васъ пока,
И явятся въ губерніи
Деникина войска,
Съ туманными завѣтами
Стремящіяся вдаль;
И закишитъ кадетами
Отель Континенталь.
Тогда другой партійности
Наладится режимъ:
Мечты о «самостійности»
Развѣятся какъ дымъ.
Опять про «автономію»

Они заговорять...
Петлюру въ фязьогномію
А Виниченко въ задь!..
Судьба такъ перемѣнчива,
Вездѣ — такой хаосъ!

Покуда что, застѣнчиво,
Шепчу: «я малороссъ!»
«Викторія, викторія!
«Оконченъ славный бой
«Петлюра! Директорія!
«Флагъ желто-голубой!
«Народа правомочіе!
«Сіяніе зари!..
«И прочее и прочее...

И чортъ васъ побери!

VI.

На новый 1919 годъ.

Новый Годъ мое почтеніе!
Ровно въ полночь въ этотъ міръ
Ты приносишь упрощеніе
И Вудро Вильсона міръ!

Оголтѣлые, голодные
Всѣ иллюзіи губя,
Пролетаріи свободные,
Мы привѣтствуемъ тебя

Всю земную буржуазію
Ты оставишь безъ портковъ
И когда найдешь оказію
Превратишь въ большевиковъ.

Будемъ жить какъ въ Полинезіи.
Или хуже, — какъ скоты,
Безъ религіи, поэзіи,
Безъ духовной красоты!

Будемъ мерзостныя шалости
Новымъ строемъ называть
И, взамѣнъ любви и жалости,
Грабить, жечь и убивать.

Проявляя молодечество,
Полетимъ на всѣхъ парахъ,
До тѣхъ поръ, пока отечество
Превратится въ грязный прахъ.

Лишь тогда, затылки вшивые
Зачесавъ, честной народъ,
Протерѣвъ глаза сонливые
Разглядить, что ты, — уродъ!

Увидавъ безъ хлѣба пажити,
Разоренный хлѣвъ и дворъ,
Завопить: придите, княжители
Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ!

Кіевъ 7/І 1919.

VII.

Одесская эпопея.

А) Покушенія съ негодными средствами.

1.

Divide ut imperes.

(Единая и недѣлимая).

Не поется мнѣ и не пишется,
День деньской въ ушахъ моихъ слышится:
«Ахъ ты Русь моя, Русь родимая,
«Ты единая и недѣлимая!

2) Изъ хохловъ создавъ чудомъ націю,
Панъ Павло кроить федерацію;
(Припѣвъ).

3) Атаманъ Красновъ подпѣваетъ въ тонъ:
Будеть тихій Донъ, нашъ казачій Донъ!
(Припѣвъ).

4) И журчитъ Кубань водамъ Терека
«Я республика, какъ Америка»
(Припѣвъ).

5) И, напяливъ френчъ цвѣта сепи,
Комиссаръ рычитъ на Совдеши
(Припѣвъ).

- 6) И въ Уфѣ эсь-эрь рѣчью пылкою
Возрождаетъ край Учредилкою.
(Припѣвъ).
- 7) И лихой морякъ и большой смѣльчакъ,
На Сибири сѣлъ адмиралъ Колчакъ.
(Припѣвъ).
- 8) Выѣзжаетъ Ляхъ на позицію:
подавай ему всю Галицію!
(Припѣвъ).
- 9) Всю Лифляндію и Курляндію
Латыши хотять — финь — Финляндію.
(Припѣвъ)
- 10) И нельзя понять чего хочетъ Крымъ?
Ханъ-Набоковъ тамъ Саломонъ ли Крымъ?
(Припѣвъ).
- 11) Всѣ спѣшать на югъ, и подъ небомъ Яссь,
Шепчуть каждый врозь и галдятъ заразь:
(Припѣвъ).
- 12) Не хотимъ Павло пана щираго!
подавайте намъ Драгомирова!
(Припѣвъ).
- 13) Власть запугана, власть разсѣяна!
Вся надежда на Кривошеина!
(Припѣвъ).

- 14) Мы сидимъ во тьмѣ вродѣ узниковъ
И все ждемъ чудесъ отъ «союзниковъ».
(Припѣвъ).
- 15) Господинъ Эно! Господинъ Эно!
А тому плевать и глядѣть смѣшно!
(Припѣвъ).
- 16) Насъ спасти хотятъ компромиссами,
Хлѣборобами, протофисами!
(Припѣвъ).
- 17) Но великъ Господь! и придя какъ встарь,
И на тронѣ сѣвъ, зычно крикнетъ Царь:
Ахъ ты Русь моя! Русь родимая,
Ты единая и недѣлимая!
-

2.

Secours de l'Occident.

(Dedié au commandement français à Odessa.)

On m'a parlé d'un fait, auquel je ne puis croire
Mais que je veux citer, pour le rendre notoire
S'il était vrai. Voici ce petit incident
Que l'on peut surnommer «Secours de l'Occident»
Secours qu'on attendait avec impatience
Voyant mouiller au port «la Justice» et «La France».

Le colonel Ygrec à son brosseur Luguè
Dit: «faites donc entrer ce nouveau delegué».
Puis, en se detirant; «ces gens sont d'un sans gêne!»
En ce moment parut l'importun indigène;
«Mon colonel, je viens...» — «Bref que me
voulez-Vous?» —

Le delegué parla... — «De grâce! Je m'en fous» —
Lui dit le colonel et le mit à la porte.

Ce n'est qu'une anecdote evidemment.

Qu'importe!

Le plaideur fut choqué d'un accueil peu courtois.
Il avait en sortant un sourire narquois
Mais un spasme nerveux le saisit à la gorge;
C'était un chevalier de l'ordre de Saint-George,
Un député de droite, au nom assez connu,
Pour ne pas être pris pour quel-que parvenu,
Ni pour un radoteur, ni pour un journaliste.
Il n'avait que le tort d'être légitimiste.

Tous ceux, qui sont traqués menacés ou pillés,
Tous ceux, qui s'étaient dit: Voici nos alliés,
Nos amis dans la paix, plus tard nos frères d'armes;
Ils vont nous proteger, ils vont secher nos larmes
Et venger notre Tzar, qu'ils fétaient à Paris
Puis à Compiègne... — sont péniblement surpris

Car l'on dit aisement que nous sommes des traîtres,

Nous, qui fûmes loyaux, tant que nous fûmes maîtres!

Tant que le Tzar trônait et ses ordres, ma foi,

Pour ces sujets étaient une suprême loi,

Le peuple tout entier observait la consigne.

De son ancien renom son armée était digne,

L'aigle à deux têtes fut l'emblème du devoir!

Sans le Tzar, la débacle, — il fallait la prévoir!

La Revolution est folie mentale!

Avez-Vous oublié la Prusse Orientale,

Où nos femmes perdaient leurs fils et leurs maris,

Pour qu' à la Marne Joffre ait pu sauver Paris!

Vous, qui n'avez jamais manqué d'intelligence,

Ne comprenez-vous pas que la presse en démence

Piétinant les débris d'un trône renversé,

Calomnie à dessein la grandeur du passé!

Que l'émeute en Russie est l'oeuvre d'une bande,

Que vous devez flétrir, si vous la voulez Grande!

Que le peuple égaré n'admet pas de milieu...

Qu'il pense encore au Tzar, qu'il croit encore

en Dieu,

Mais ne peut distinguer, étant demi-sauvage,

Le vain mot «liberté» d'un permis de pillage!

Les masses sont partout les mêmes! En effet:

Jadis, Napoleon, Cavagnac Gallifet

Ont bien heureusement pour vous compris la
chose!

On ne guerit un mal qu'en connaissant sa cause...
Or notre mal provient d'un tas de fanfarons
Qui veulent intronduire aux sons de vos clairons
Un regime en Russie amoindrissant sa Gloire!

Vous pouvez vous fâcher de ce réquisitoire,
Mais si ce vil complot par vous serait admis...
Francais! ne dites plus: nous sommes vos amis!

Odessa 1919/I.

3.

Союзники.

(Amis et alliés.)

Побѣдители Вильгельма,
(Что пріятно лишь для нихъ) *
Къ намъ пришли въ лицѣ д'Ансельма
Фрейденберга и иныхъ.
Броненосцы-саркофаги,
Въ ледяной попавъ капканъ,
На брамъ-стеньгахъ держать флаги
Quasi-дружественныхъ странъ.
Покупая папирсы
И болтая чепуху,

Бродячь въ городѣ матросы
Съ красной шишкой наверху!
Изъ любаго магазина
Выползаетъ на панель
Ярко-красная штанина,
Сѣро-сизая шинель!
Изъ улыбокъ офицеровъ
Такъ и брызжетъ: «je m'en fous».
А что Дутовъ бьетъ эсъ-эровъ
Или взялъ Колчакъ Уфу,
Или Кіевъ сжегъ Петлюра,
Или гибнетъ хлѣборобъ,
Или спасъ полковникъ Шкуро
Знатныхъ нѣсколькихъ особъ
Или что войдутъ въ Одессу
Большевикъ или Махно...
... Имъ — какъ мирному конгрессу,
Совершенно все равно!
За посольствомъ шлютъ посольство
Имъ вожди російскихъ кликъ...
На ~~душѣ~~ ^{душѣ} — самодовольство,
А въ душѣ — всеобщій крикъ:
«По домамъ! Къ родному мѣсту!
«Мы хотимъ поцѣловать
«Терпѣливую невѣсту,
«И обнять «святую мать».

«Какъ написано въ романахъ
«У Додэ и у Лоти...
«Увезя въ своихъ карманахъ
Все, что можно увести!

Ну, а мы? Нашъ сонъ кошмаренъ
Не свѣтло и не тепло...
Говорять пріѣдетъ баринъ
Главный баринъ — Бертело!
Онъ спасеть! Онъ все наладить!
Онъ увидитъ что темно,
Онъ Деникина огладить,
Пожурить Мадамъ Эно,
Успокоить дамъ тревогу,
Погрозить большевикамъ.
Напечатаеть эклогу
Къ славнымъ (греческимъ) полкамъ.
Каждой партіи программу
Разбереть, n'etant pas sot,
И отправить телеграмму
Господину Клемансо.
Тотъ его уполномочить...
Выколачивать долги!!

Бѣсъ насъ водить и морочить.
Кто они? Друзья? враги?

Чѣмъ они руководимы?
Что они болтають зря?
Нѣтъ Россіи недѣлимой
И единой — безъ Царя!
Но французскимъ демократамъ
Очевидно не понять,
Что ее другимъ домкратомъ
Не спасти и не поднять.
Если такъ, — плывите въ море!
День придетъ, настанетъ часъ,
И въ домашнемъ нашемъ спорѣ
Мы столкнемся, — безъ васъ!!

В) Передъ исходомъ.

1.

Экспромтъ.

Я гуляю безъ подштанниковъ,
И мнѣ право все равно
Кто Одессой править: Санниковъ
Или госпожа Эно!

Бредъ обывателя.

Туманъ и слякоть на дворѣ
Пріѣхаль къ намъ Франшэ д'Эспре;
Свело отъ голода нутро...
Сидить въ правительствѣ Андро...
Сердито бьются волны въ молъ...
Деникинъ сумраченъ и золъ...
Реветъ нордъ-остъ въ вечерней мглѣ...
Стоить въ порту дреднаутъ Мишле
Мерцаеть въ лампахъ тусклый свѣтъ;
То уголь есть, то угля нѣтъ!
Съ ножомъ на брата лѣзеть братъ;
Крестьяне пьютъ денатуратъ;
Идетъ въ тиражъ послѣдній грошъ;
Не вѣрить нѣмцамъ маршалъ Фошъ;
Кто безъ сапогъ, кто безъ кальсонъ; —
Какой подлець Вудро Вильсонъ!
Галдятъ на улицахъ жидки...
Въ Херсонъ вошли большевики!..
Имѣеть грекъ большой престижъ...
Никакъ нельзя попасть въ Парижъ!..
Корреспондентъ опять навралъ!..
Алмазовъ-Гришинъ — генераль!
Не заказать ли камбалу?

Румыны взяли Бирзулу...
На дамской шляпѣ пышный бантъ...
Припасы спрятали спекулянтъ!
Ура! Ура! Колчакъ въ Уфѣ;
Пойдемте вечеромъ въ кафе...
Вчера стрѣльба была всю ночь...
Придите къ намъ; — ступайте прочь!..
Россія будетъ спасена!..
Скажите, гдѣ достать пшена?
Какое нынче мартобря?!..

Царя!! Царя!! Царя!!! Царя!!!!

3.

Гласъ вопіющаго въ пустынь.

(Апокрифическая молитва перепуганнаго буржуя.)

Господь, къ тебѣ взываю паки:
Не попусти меня пенять,
Но даждь мнѣ денежные знаки
Приобрѣсти и размѣнять!
И въ оны дни народоправства
И обновленья бытія,
Не наказуй меня безъ явства,
И не оставь безъ питія!

И вмѣсто нѣкихъ ризъ кувалды,
Меня какъ прежде облеку
Въ шитьемъ украшенныя фалды
И бѣлоснѣжныя портки!

Не даждь писаться больше «въ нѣтѣхъ»
Заблудшихъ овнѣ поводырю,
Зане спасенія въ кадетѣхъ
И съ ними сущихъ азъ не зрю!

И въ градѣ сицемъ, дабы пламень
Не гасъ въ мятущейся душѣ,
Вложи Царя Давида камень
Въ пращу боярина Франшэ!

И сохрани на многа лѣта
О насъ пекущихся зѣло:
Флотоводителя Эмэта,
И воеводу Бертело!

Благослови мечи и танки,
Да не очутихомся мы
И Греци, такожде и Франки
Въ бѣсовской власти князя тьмы.

Сей, не удравшихъ за границу
И не плывущихъ по волнѣ,

Предасть вверженію въ темницу
И приставленію къ стѣнѣ!

Даждь одолѣнье надъ ехидной
Ты, аще милуешь скоты,
Да сохранимъ до непостыдной
Кончины, наши животы!!

VIII.

Село.

Да, было, было времячко...
Теперь оно прошло!

Раскинулось надъ рѣчкою
Богатое село.
Текла работа мирная,
Какъ встарь заведено...
Земля рождала, жирная,
Янтарное зерно.
Луга сверкали косами,
Привольно пасся скоть,
И мельница колесами
Вздымала водометъ!
Зима; готова парина;
Близехонько заводъ
Стоялъ въ усадьбѣ барина;
Туда ходилъ народъ,
Чтобъ лишній грошъ работою
Скопить на день нужды...
Ходилъ съ большой охотою,
Безъ злобы и вражды;
Ходилъ и за леченіемъ
До барыни... она

За рѣдкимъ исключеніемъ
Была ему родна.
Въ базарный день, на площади
Звенѣли бубенцы,
Толпились арбы, лошади,
Заѣзжіе купцы,
И старые, и малые...
Лежали на ларяхъ
Товары... ткани алыя,
Издѣлья мѣстныхъ пряжъ,
Рубахи, ситца пестрые
Платки, куски сукна,
Посуда, косы вострые,
И все — дешевизна!
Во Храмъ, въ Воскресеніе,
Толпился до дверей
Народъ, — и поученіе
Читалъ протоіерей.
Порой, конечно, бражники
Дрались навеселѣ,
Но все жъ держали стражники
Порядокъ на селѣ!
Была къ винцу исконная
Привычка; былъ и блудъ...
Но власть была Законная,
И былъ Законный Судъ!

И Русской Правды сѣмячко
Въ землѣ родной, — росло!

Да, было, было, времячко...
Теперь оно прошло!

Пошли играть въ политику...

Зачѣмъ и почему... —

Газетному лишь критику
Извѣстно одному.

Явились люди разные...

Придя въ ночную мглу,

Оборванные, грязные,

Бродили по селу!

Исполненные дерзости,

Святыни понося,

Разсказывали мерзости

Хулили всѣхъ и вся!..

Все надъ мужицкой долею

Скорбѣли... темнотой...

Крестьянъ «землей и волею»,

Несбыточной мечтой,

Прельщали... и подъ красныя

Тянули знамена!..

А тутъ еще несчастные

Года пришли: Война!!

Она была кровавою,

Но все же, при Царѣ,
Войска дрались со славою,
И были на зарѣ
Побѣды окончательной...
Да нѣтъ! Попуталъ врагъ!
Съ дровка, рукой старательной
Былъ сорванъ Древній Стягъ!
Пошли въ войскахъ броженія,
Надвинулась бѣда:
Солдаты отъ сраженія
Бѣжали въ города,
Надъ мирнымъ обывателемъ
Насилія чиня,
Братались съ непріятелемъ
Присягѣ измѣня;
Прельщенные «землицею»
По малому уму
Сдались; Царя съ Царицею
Упрятали въ тюрьму!
Помазанника Божія
Смѣнили и Отца, —
На хама съ бритой рожею
Пустого брехунца!
Рукой преступной палицу
Державы взявъ, спроста
Разграбили Страдалицу

Россію — до чиста!
Брехунъ подъ этимъ заревомъ
Въ угарѣ охмѣлѣлъ:
Въ Покоѣ Государевомъ
И спалъ, и пилъ, и ѣлъ!..
Потомъ, казну ограбивши,
Бѣжалъ въ заморскій край,
Въ наслѣдство намъ оставивши
Обѣщанный имъ «рай!»

Настало время времячко
Пришло оно... пришло...

Стоить надъ сонной рѣчкою
Богатое село.
Настали дни «Свободные»
Кажись дана «Земля!»
Но голыя, бесплодныя,
Окрестныя поля.
Съ начальства дозволенія
Разграбили, сожгли
Господское имѣніе...
(Но барыню спасли)
Всѣ знали Ваньку рыжаго
За вора и плута
За пьяницу безстыжаго;
Теперь, что «Бѣднота»

Объявлена «правительствомъ»
За «Главный Комитетъ»...
Безчинствамъ и грабительствамъ
Его, — предѣла нѣтъ!
Была мука и бублики,
И греча, и пшено...
Но взято для «республики»
Изъ риги все зерно!
Кто побогаче хатю,
Тотъ лучше утекай...
И дѣвку, не брюхатую,
Не встрѣтишь почитай!
Про ярмонку бывалую
И думать не моги:
Три сотни суммой малою
Сочтешь за сапоги!!
Шубенка вся лоскутная
Штаны — одна дыра!..
Пора настала смутная
Безвѣстная, безпутная,
Проклятая пора!!
И лица все суровыя
И тихо въ этой мглѣ...

Но слышны рѣчи новыя
Все чаще на селѣ:

«Эхъ, смуть не затѣваючи,
«Безъ горя и заботъ,
«Мы жили припѣваючи
«До этихъ всѣхъ «слободъ!»
«Смутили насъ крамольники
«Писаки въ оны дни,
«Послушались какъ школьники
«Мы глупой болтовни!
«Сломавъ тыны досчатые,
«Разграбили добро!..
«Эхъ, вилы бы тройчатя
«Да всѣмъ имъ подъ ребро!
«Расправиться съ уродиной...
«Да жить какъ жили встарь...
«Да знать, что есть надъ родиной
Какъ прежде — Богъ и Царь!
И грустно чешуть темячко,
Вдыхая тяжело:

Да было, было времячко...
Ужель оно прошло?!

Нѣтъ! Есть примѣты явные...
Опомнится народъ.
Не бойтесь православные.
Придетъ оно... Придетъ!

Одесса 1919.

IX.

За рубежомъ.

1.

Quo Vadis.

Пусть ляхъ цѣла твоя Варшава!
Ни шагу дальше! и внемли.
Жива Россійская Держава
Она воспрянетъ и какъ лава
Тебя смететъ съ лица земли!

Не все ли намъ равно, кто править
Ея мечемъ въ годину смуть!
Есть въ небѣ Богъ! Онъ не оставитъ,
Есть въ сердцѣ Царь! Себя Онъ явитъ
И сотворитъ послѣдній судъ?

Подъ звонъ московскихъ колоколенъ,
Возставъ изъ груды пепелищъ,
Онъ скажетъ: «Я былъ обездоленъ
«Какъ ты! въ тюрьмѣ, гонимъ, и боленъ,
«И оскорбляемъ былъ, и нищъ.

«Но ты **М**нѣ, Русь, была дороже
«Чѣмъ царскихъ почестей обрядъ,
«И, на крестѣ, Державный взглядъ

«Мой говорилъ: прости имъ Боже!
«Они не знаютъ, что творять!

«Тотъ, кто сражался на границѣ,
«Чтобъ не отдать земли родной
«Ни пяди хищной бѣлой птицѣ,
«Тотъ, — посѣтилъ **М**еня въ темницѣ!
«Тотъ, — заслужилъ передо Мной!

«Но, кто не принялъ Божьей Кары
«За дерзкой мысли торжество,
«Въ смиреньи сердца своего,
«Кто поднялъ мечъ для братской свары,
«Кто не провидѣлъ сквозь кошмары
«Возврата Царства Моего. . .

«Изыди вонъ! Не братской кровью,
«Не вражьей помощью извнѣ
«Богъ возвратитъ **М**еня странѣ,
«Но силой Правды и Любовью,
«Къ Царю въ народной глубинѣ!

Опомнись Ляхъ. Ни шагу больше!
Чтобъ Западъ гаснущій спасти
Съ востока долженъ свѣтъ придти!
Жива Россія! и не Польшѣ
Ей преуказывать пути!!

Парижъ 17/30 1920 г.

2.

Красная Дѣва.

Эпиграфъ: ... и безъ пролитія крови
не бываетъ прощенія!..

(Посл. Св. Ап. Павла къ
Евреямъ гл. 9 стихъ 22).

Гдѣ то въ глуши необъятной Россіи,
Въ храмѣ убогомъ, на сонной рѣкѣ,
Видѣлъ икону я дѣвы Маріи
Въ красномъ хитонѣ, съ сѣкирой въ рукѣ.
Очи глядѣли безстрастно и строго,
Не было кротости въ дивномъ лицѣ,
И на колѣняхъ у Матери Бога
Плакалъ Младенецъ въ терновомъ вѣнцѣ.

Гдѣ эта церковь? Не помню я нынѣ...
Цѣлъ ли тотъ образъ въ ея алтарѣ?
Онъ мнѣ мерещится въ мертвой равнинѣ,
Въ красномъ туманѣ, на красной зарѣ!

Ходить по пажитямъ Красная Дѣва,
Красная Дѣва съ сѣкирой въ рукѣ,
Рубить сѣкирою, справа налѣво,
Тонетъ Россія въ кровавой рѣкѣ!
Красный туманъ черезъ нивы безъ хлѣба
Стелется тихо по сѣрой землѣ,
Жутко отъ зарева краснаго неба,

Гулко отъ краснаго звона въ Кремлѣ;
Ходить по площади Красная Дѣва,
Красная Дѣва съ сѣкирой въ рукѣ,
Рубить сѣкирою, справа налѣво,
Тонетъ Россія въ кровавой рѣкѣ.
Сорвана съ плечъ парчевая накидка,
Мука въ очахъ.. пересохла уста...
Шепчетъ Россія! «за что эта пытка?
Чѣмъ заслужила я ужасъ креста?»
Ходить по весямъ безмолвная Дѣва,
Красная Дѣва съ сѣкирой въ рукѣ,
Рубить сѣкирою, справа налѣво,
Стонетъ Россія въ смертельной тоскѣ:
«Я ли не вѣрила въ красное пламя?
«Я ль не лелѣяла красные сны?
«Я ли не куталась въ красное знамя?
«Я ли не жаждала красной весны?
«Краснаго я ль не слагала напѣва,
«Красную въ немъ славословя зарю?»

Къ ней склоняется Красная Дѣва
И отвѣчаетъ, блѣднѣя отъ гнѣва:
«Ты своему измѣнила Царю!

«Ты своему измѣнила Царю!!!

Рейхенгаль.

Въ Рейхенгалѣ дождь и слякоть;
Въ сѣрыхъ тучахъ сводъ небесъ...
Да и то! Какъ имъ не плакать
Сверху глядя на «Конгрессъ»?

Рядъ разрозненныхъ осколковъ,
Блеска прежняго погостъ,
Монархисты разныхъ толковъ
Собрались въ отелѣ Постъ.

Спорять.. роются въ законѣ..
Поощряють кумовство, —
Не хотимъ того на тронѣ!
Подавайте намъ сего!

Посылають телеграммы
Генераламъ безъ знаменъ,
Пишуть мудрыя программы
Для невѣдомыхъ временъ,

Ждутъ Богъ вѣсть какого чуда,
По часамъ болтають зря,
Рукоплещуть... но покуда
Нѣтъ ни денегъ, ни Царя!

Слова.

Три магическія слова:

Царь, Отечество и Вѣра,
На которыхъ созидалась
Необъятная Россія!
За которыя когда-то
Умирали наши предки
И которыя хранятся
Въ глубинѣ души народной,
Какъ завѣтная святыня,
Какъ послѣдняя надежда!

И напрасно злая смута,
Порожденье гордой мысли,
Жрица временныхъ кумировъ,
Проповѣдница безумья,
Лицемерною личиною
Прикрывая вождельнья
Человѣческихъ расчетовъ,
На поруганныхъ знаменахъ
Вышивала мишурою:
Братство, равенство, свобода.

Три затрепанные слова!

Пусть престолъ въ палатахъ царскихъ
Въ храмахъ вѣры православной
Еле теплится лампада,
Многимъ родина — изгнанье!
Многимъ родина пустыня!
Многимъ родина — могила!
Но жива на небѣ помощь,
Всѣхъ союзниковъ вѣрнѣе:
Правда, Время и Терпѣнье

Три магическія слова!!

Канны 1922 г.

5.

Четвертый интернаціональ.

Въ Берлинѣ бродитъ нѣкимъ Дантомъ
Поэтъ свалившійся съ луны,
Но, если вѣрять эмигрантамъ.
То онъ — исчадье сатаны!
Легитимистъ какъ будто твердый,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ оригиналь,
Кричитъ: «да здравствуетъ четвертый,
«Четвертый интернаціональ!»

Не поощряя Цицерона
Подъ трехугольную звѣздой,
Онъ славу крымскаго барона
Считаетъ дутой ерундой!
Милѣе красныя когорты
Ему чѣмъ бѣлый арсеналь;
Онъ проповѣдуетъ четвертый,
Четвертый интернаціональ!

Онъ утверждаетъ что не, дамы,
Не эмиграціи столпы,
Не Милюковскія рекламы,
Не лицемѣрные попы,
Не франко-англійскіе флёрты,
Не Лиги Націй трибуналь
Спасутъ Россію... а четвертый,
Четвертый интернаціональ!

Вопятъ держащіе валюту
И тѣ, кто Курбскому сродни:
«Да онъ Скуратова Малюту
«Изображаетъ въ наши дни!
«Необходимы намъ комфорты
«Мы лучше кинемся въ каналъ,
«Чѣмъ полагаться на четвертый,
«Четвертый интернаціональ!

«Сумбурны съ родины извѣстья...
«Намъ безразлично чья рука
«Вернетъ намъ сейфы и помѣстья
«И насъ избавить отъ Ч. К.!
«Скажи же намъ къ стѣнѣ припертый
«И полуумный ювеналь,
«Что означаетъ твой четвертый,
«Четвертый интернаціональ?»

Ахъ! положить конецъ невгодамъ
Такъ просто, правду говоря:
Пролетарьятъ назвать народомъ,
Да взять Законнаго Царя!
Вскипаетъ смѣсь на днѣ реторты
Близка реакція — финаль...
Итакъ да здравствуетъ четвертый,
Четвертый интернаціональ!

Берлинъ 1922.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Издавая этотъ небольшой сборникъ памфлетовъ и другихъ политическихъ стихотвореній, относящихся къ періоду наступившему послѣ мятежа 1917 года и повергнушему наше отечество въ бездну испытаній и кровавой междоусобицы, я пользуюсь случаемъ, чтобы обратиться къ тѣмъ, которые находили и еще находятъ произведенія мои достойными вниманія.

Мною было написано за всю мою жизнь, въ особенности до Марта 1917 года очень большое количество памфлетовъ затрагивавшихъ какъ политическую, такъ и общественную сторону дореволюціонной эпохи, и заключавшихъ въ себѣ характеристику лицъ въ этой эпохѣ игравшихъ ту или другую роль въ самыхъ различныхъ кругахъ русскаго общества.

Памфлеты эти могущіе быть точнѣе названы карриатурами въ стихахъ, какъ имѣвшіе часто личный характеръ и переполненные по сему случаю именами собственными и частными подробностями, а равно не всегда отвѣчавшіе задачамъ моего политическаго міровоззрѣнія, въ виду рѣзкости формы, ѣдкости содержанія и возможности быть утилизированными во зло,

мною къ печати никогда не предназначались, и широкое распространеніе ихъ въ спискахъ шло помимо моей воли. Оставленіе ихъ мною въ моемъ архивѣ, вовсе не являлось слѣдствіемъ лишь цензурныхъ условій (печатаніе за границей было всегда возможнымъ), но принципиальнымъ нежеланіемъ освѣдомлять о нихъ, кого-либо кромѣ близкихъ своихъ друзей. Списки ходившіе по рукамъ весьма часто подвергались искаженію (пропускамъ или дополненіямъ) по большей частью невольному, но иногда, особенно въ послѣднее время умышленному.

Кромѣ того, и это главное что я хочу сказать моимъ читателямъ и всегда непрошенымъ добровольнымъ распространителямъ, зоиламъ или поклонникамъ безразлично, — мнѣ приписывали и приписываютъ до сихъ поръ произведенія моему перу никогда не принадлежавшія. Подъ форму болѣе или менѣе (чаще второе) удачно, подражатели поддѣльвались и публика разницы не замѣчала, часто не понимая техники стиха во всей ея утонченности. Неразборчивая и прямая критика составлявшая содержаніе моихъ памфлетовъ, выставленіе въ преувеличенномъ видѣ отрицательныхъ чертъ какъ всегда въ каррикатурѣ и шаржѣ, принималась

за недовольство существующимъ строемъ или деталями его воплощенія. Между тѣмъ всѣ мои стихотворенія, какую бы критику они въ себѣ не заключали и какихъ бы лицъ не касались, никогда не содержали желанія производшей перемѣны формы правленія, либо уничтоженія историческаго аппарата государственной власти.

Сборникъ моихъ памфлетовъ, двѣ толстыя тетради обнимающія періодъ съ 1887—1918 года остался въ Россіи и участь его мнѣ неизвѣстна. Печатаемый нынѣ сборникъ содержитъ все написанное мною послѣ мятежа кромѣ двухъ трехъ утерянныхъ пьесъ, времени анекдотическаго управленія Керенскаго, и нѣсколькихъ вещей, написанныхъ уже за границей, но не печатаемыхъ, по личнымъ моимъ соображеніямъ, этического свойства.

Прекрасно понимая, что при вышеописанномъ положеніи вещей, апокрифы были и будутъ неизбѣжны, я этимъ послѣсловіемъ желаю предупредить читателей ходящихъ и по днесь по рукамъ списковъ, что всѣ стихотворенія касающіяся прямо военныхъ дѣйствій и начальствующихъ лицъ въ Японскую и Великую войны не моего пера, равно какъ многія прежнія

стихотворенія въ которыхъ явно проводится тенденція моему политическому самодержавно-монархическому міровоззрѣнію не отвѣчающая, независимо отъ освѣщенія событій и характеристики лицъ въ той преувеличенно каррикатурной формѣ безъ которой соль перестала бы быть соленою.

Можетъ быть сплетни и слухи часто необоснованные дававшіе мнѣ нѣкоторыя тѣмы и оправдывали превратныя толкованія, но болѣе внимательное пониманіе мною написаннаго во во всей его послѣдовательности, конечно дало бы совершенно другую окраску кажущемуся забавному и безцеремонному остролловію, лишній разъ напомнивъ о безсмертномъ опредѣленіи Великаго Писателя знавшаго что такое горькая правда возвѣщаемая «сквозь видимый міру смѣхъ и невидимыя міру слезы».

В. Мятлевъ.
